

Елена Борода

«Счастливый сон человечества...»

Размышления по поводу одного произведения

Мы все плывем по течению. Русло с неспешно бегущими водами — самый распространенный и, может быть, наиболее доступный нашему пониманию образ среди бесчисленных ликов Хроноса. А неумолимая река времени вдруг обращается в Лету, и стоящие ближе к устью не узнают тех, кто находится у истоков. Но лед забвения рано или поздно тает, и на горизонте становятся видны мачты самых высоких кораблей.

Развитие отечественной фантастики и, в частности, творчество братьев Стругацких может служить иллюстрацией того, как реализуется ресурс культурного наследия предыдущих эпох. Тенденции предшествующего научного, социального и культурного развития получают закономерное воплощение или следствие в реалиях нашего века, отмеченного растущими темпами технического прогресса и трансформацией в связи с этим мышления человека. Около столетия назад Евгений Замятин, образно отмечая динамизм современности, бросал взгляд на мир из окна мчащегося автомобиля. Нынешний человек уже знаком с социологическим термином «футурошок», с самим этим явлением и его последствиями.

Социальный прогноз — постоянное искушение для художника, обратившегося к исследованию человека как «общественного животного». В бесчисленных попытках обозначить маршрут движения человечества смелые мастера слова колебались от описания блистательного Царства всеобщего благоденствия до мрачных картин самой жестокой тирании.

В одной из своих статей Аркадий и Борис Стругацкие высказали мысль о том, что «утопия родилась очень давно, а умерла в XX веке. Что же касается романа-предостережения, то родился он на грани XIX — XX веков и умрет не скоро, ибо литература вкусила от сладкой горечи и познала болезненное наслаждение мрачных пророчеств» [3, 450].

Творчество самих братьев, подобно грезам человечества, движется от светлых мечтаний к мрачным прогнозам. «Хищные вещи века» — это, по многим признакам, одна из созданных Стругацкими антиутопий. Мир без проблем, без горя, мир полного изобилия и удовлетворенных потребностей. «Человеческие общества переходят от стеснения, гнета, жестокости, опасности, негарантированности жизни, от ужасов войн и революций, от жизни суровой к более спокойной, до-

вольной, свободной жизни, к жизни мещанской, к погоне за наслаждениями, к деморализации и упадку», — пишет о подобных обществах Н. А. Бердяев, многозначительно добавляя: «И потом вновь повторяется то же самое» [1, 329].

Нетрудно определить, какого рода опасения владели русскими писателями, которые во многом способствовали становлению отечественной фантастики. Е. Замятин, А. Платонов, М. Булгаков, А. Толстой, В. Набоков, изрекшие свои прорицания, наблюдали становление советского Левиафана. Стругацким довелось наблюдать его агонию. Потом наступила другая эпоха.



Отличия в оценке тоталитарного общества отмечали сами Стругацкие, отмечая наиболее значимых для эпохи художников-прорицателей, но констатируя иные последствия насилия над личностью: «Опыт гнусных тоталитарных режимов XX века обнаружил, что с человеком может происходить кое-что похуже, чем превращение в робота. Он остается человеком, но он делается ПЛОХИМ человеком. И чем жестче и беспощаднее режим, тем хуже и опаснее делается массовый человек. Он становится злобным, невежественным, трусливым, подлым, циничным и жестоким. Он становится рабом» [3, 482]. Они подводят грустный итог: «Авторы антиутопий начала XX века ошибались прежде всего потому, что боялись главным образом потери свободы — свободы мысли, свободы выбора, свободы духа... Выяснилось, что массовый человек не боится потерять свободу — он боится ее обрести» [3, 486].

Однако потеря свободы, как известно, может быть обусловлена не только прямым насилием. В «жизни мещанской и погоне за на-

слаждениями» человек обретает ярмо другого рода. Связь «Хищных вещей...» с антиутопией, разумеется, была замечена в отечественной критике и публицистике. В частности, В. Ган называет «Хищные вещи века» «повестью-предупреждением» [2, 582], В. Сапарин в связи с комментируемой им повестью Стругацких ссылается на зарубежные образцы, определяя их тем же понятием [2, 585].

И все-таки однозначно классифицировать повесть было бы не совсем бесспорно. С одной стороны, Б. Стругацкий сам говорит о том, что «авторы были уверены, что написали антиутопию, изобразили мир, в котором каждому уважающему себя человеку тошно и стыдно жить» [2, 606]. Однако тут же комментирует: «Наше отношение к этому миру, как к АНТИУТОПИИ, переменялось. Мы поняли, что этот мир, конечно, не добр, не светел и не прекрасен, но и не безнадежен в то же время, — он способен к развитию. Он похож на дурно воспитанного подростка, со всеми его плюсами и минусами. И уж во всяком случае, среди всех придуманных миров он кажется нам наиболее ВЕРОЯТНЫМ. Мир Полудня, скорее всего, недостижим, мир «1984», слава Богу, остался уже, пожалуй, позади, а вот мир «хищных вещей» — это, похоже, как раз то, что ждет нас» [2, 606].

В подавляющем большинстве критических статей после выхода повести отмечалось «ограниченное социальное видение» [2, 579 — 586] писателей. Однако то, что в повести не отражены, с позиции тогдашней конъюнктуры, социальные противоречия в типично буржуазном потребительском обществе, сейчас, пожалуй, уместно оценивать как существенную часть авторского замысла. Угроза духовному миру человека в полной мере обнажается именно тогда, когда все социальные противоречия устранены. Общественная борьба — это в некотором роде ширма, за которой скрывается духовная ипостась человека как существа, предполагающего устремленность в бесконечность, в чем бы она ни проявлялась. Эта сущность требует гораздо больших духовных усилий и гораздо более грандиозной работы над собой, чем социальная борьба.

Повесть номинально продолжает тему «Стажеров» (1961). У них общий герой — Иван Жилин, вскользь упоминаются имена прославленных звездолетчиков из предыдущих произведений. Однако «Хищные вещи...» уводят в сторону, противоположную романтическому пафосу «стажерской» трилогии. Здесь не только проблема мещанства как категории нравственной. Авторами поднимается проблема экзистенциального характера, возникающая перед обществом в эпоху благоденствия.

Каждой эпохе — свои искушения и свои опасности. Опасность для души быть уничтоженной вещами, материальным бытом — несколько не меньше опасности подвергнуться насилию. Предупреждение о скрытых опасностях благополучной эпохи, царства изобилия можно без труда и неоднократно найти в сокровищнице отечественной философской мысли, в частности, у Н.А. Бердяева, который определяет материалистически акцентированную культуру понятием Цар-

ства Кесаря. «Когда социальный вопрос будет решен и все люди поставлены в условия достойного существования, когда не будет страданий от необеспеченного положения в обществе, от голода, холода, невежества, болезней, несправедливостей, тогда, именно тогда усилится чувство и сознание непреодолимого трагизма жизни, тогда не избранных только, а многих охватит духовная тоска», — пишет философ. [1, 226].

Один из ликов в галерее наиболее общих типов, выписанных Стругацкими, — Человек Беззаботный. В «Хищных вещах...» именно он становится предметом внимания авторов. «Нам исключительно повезло. Мы родились в величайшую из эпох — в Эпоху Удовлетворения Желаний... О наука! Ты наконец освободила человечество! Ты дала нам, даешь и будешь отныне давать все... Любовь, радость, удовлетворенность, а для желающих, для тех, кто утомлен счастьем, — сладкие слезы, маленькие спасительные горести, приятные утешительные заботы, придающие нам значительность в собственных глазах» [2, 58 — 59]. Вот, насколько возможно, вдохновенная хвала эпохе изобилия из уст героя повести доктора Опира. Не случайно этот значимый монолог авторы вложили в уста ученого мужа, так сказать, властителя умов и носителя духовных ценностей своего времени. Ведь сложность в том, что этот мифический рай, созданный воображением Стругацких, подчиняет себе не только материальную природу человека, но посягает и на заполнение пространства духовного.

Так, даже наследие прошлого рассматривается в соответствии с вкладом в создание сытого мира. Остановись, мгновенье, ты прекрасно! Лукавая фраза Фауста может быть произнесена. Перед нами человечество, которое уже ничего, в сущности, не хочет. Доктор Опир проводит краткий экскурс по философии, в котором оказываются опрокинутыми все сомнения и поиски человеческой мысли. Маркс, Фрейд, Ницше — все они рассматриваются только в отношении формирования века благоденствия. Ядро и истоки их философии, а уж тем более грандиозные озарения и нравственные страдания мало кого интересуют.

Тоскующий и мятежный Ницше со своим сверхчеловеком и демонической яростью богооставленности... Материалисты и идеалисты, мистики и агностики... Имена строителей Хрустального Дворца человеческой культуры годятся в лучшем случае в качестве броского названия для нетрадиционного развлекательного клуба. И в самом деле: кому сейчас нужно быть «по ту сторону добра и зла», если неплохо и по эту?

Замятин, говоря в начале XX века о чтении Апокалипсиса как ежедневной газеты, имел в виду сдвиг в сознании современников и неизбежное наступление реальности, которая вчера была лишь поэтическим прозрением. Однако в этом апогее благоденствия подобное замечание звучит более чем иронично. И, пожалуй, страшно.

Царство Кесаря — земной рай, объект вождения для тех, кто еще не живет в этом раю. Весьма значимым оказывается для обозначен-

ния идейной канвы произведения разговор Жилина с безмянным революционером. Когда мы свергнем правящую клику, мы сами будем купаться в изобилии, — обещает воинственный собеседник Жилина: «Изобилие плохо, когда его у тебя нет, а у соседа оно есть. А завоеванное изобилие — это отличная штука!» [2, 169].

Масштаб Царства от мира сего по сравнению, допустим, с Единым Государством Замятина у Стругацких несколько иной. Там — тоталитарное иго Великого Благодетеля, здесь — повсеместное присутствие Великого Дегустатора. Минимум амбиций и максимум удовольствия. Весьма радостно рассуждать о том, что время пессимистов прошло, как время туберкулезных больных и сексуальных маньяков (слава тебе, наука!), что обеспечение изобилия и решение извечных проблем любви и голода сделало присутствие сомневающийся и ропшущих просто неуместным (опять же слава тебе, наука!), что, наконец, путем прямого вторжения в темный мир подкорки можно избавиться от последних сомнений в собственном счастье (слава, слава, слава тебе, наука!). Это реальность «Хищных вещей...», очень похожая на последствия Великой Операции в Едином Государстве: «абсолютно безвредно, необычайно массово и конструктивно просто» [2, 62].

А в действительности, несмотря на славословия науке, которые доктор Опир, в отличие от нас, употребляет без иронии, фактически обожествляется вовсе не наука, а выведенная ею очередная порода Золотого Тельца.

Новая реальность иллюзорна. В этом раю все либо искусственно, либо поверхностно. Чего стоит хотя бы преобразование Ивана Жилина под руками мастера: «В зеркале, озаренная прожекторами, необычайно привлекательная и радующая глаз, отражалась ложь. Умная, красивая, значительная пустота... Весь мой внутренний мир, все, что я так ценил в себе... Теперь его вообще могло бы не быть. Оно было больше не нужно» [2, 55]. Таково создание имиджа — виртуозное, но насквозь лживое. «В конце концов, все это очень не ново. В конце концов, миллионы людей совсем не то, за что они себя выдают. Но этот проклятый парикмахер сделал меня эмпириокритиком. Реальность замаскировалась прекрасными иероглифами. Я больше не верил тому, что вижу в этом городе» [2, 56], — констатирует главный герой.

Искусственная внешность, искусственные страхи, например, боязнь мертвецов у мальчика Лэна, которую он сам провоцирует. Искусственные проблемы вроде забастовки по поводу прекращения сериала. Поверхностные отношения, поверхностные суждения («Бедный Тургенев!» — восклицает Жилин, услышав вольную трактовку образа Базарова).

Примерно в этом русле следует толковать природу экстремальных игр. Она — в неудовлетворенной потребности человека к совершенствованию своей природы. Сталкиваясь с многообразной и сложной жизнью, преодолевая трудности, личность реализует и развивает свой духовный потенциал. В мире, где незачем бороться, где все возможности уже предоставлены, тяга к полноте бытия, не будучи осознанной,

проявляет себя на уровне духовного инстинкта. Человек нуждается в инициации, не имея перед собой ясной цели. В результате его действие превращается в игру. «Теперь ведь жизнь стала жирная, тихая, всего в достатке. К чему себя применить? Я же не карась, я же человек все—таки, мне скучно, а придумать сам ничего не умею» [2, 121], — так комментирует ситуацию один из персонажей.

Сознание того, что люди вокруг мертвы духовно, порождает в детском восприятии мальчика Лэна образы конкретных живых мертвецов. «Ходят между живыми, как живые, при свете дня... Кивают и улыбаются, но в ночи лица их белые, и кровь выступает на лицах» [2, 100]. Страшненькие картины взбесившихся от жиру людей, поедающих мозг живой обезьяны или в пьяном беспамятстве падающих лицом в разбитое стекло, способствуют развитию болезненной фантазии маленького героя. Гиперболизируя действительность, он меж тем верно улавливает ее суть. В его представлении окружающий мир — это мир разложившейся плоти, создающей видимость живого. «Мы все прокляты», — убежденно говорит он.

Мера насыщения доходит у обитателей этого рая до того, что они погружаются в мир искусственной действительности, которая реализует все самые скрытые желания. Грезогенератор, слег — все это способы расширить область чувственных наслаждений. Они называют это властью над желаниями, хотя в действительности умножение желаний и способов их удовлетворения означает еще большее рабство.

«Иллюзорное бытие... Нет, это не наркотик, куда там наркотику... Здесь никому не нужен покой, здесь ведь не угнетают и никто не умирает от голода, здесь просто скучно. Сытно, тепло, пьяно и скучно. Мир не то чтобы плох, мир скучен. Мир без перспектив, мир без обещаний» [2, 151 — 152]. Счастливы сон человечества! Пребывание в мире иллюзий. Те, кто бодрствует физически, по сути, тоже спят. Подобно заснувшим девам из евангельской притчи, эти люди угасили светильники своего Духа. Они проспят, согласно символике этой притчи, и приход Жениха, и конец истории, который для них, впрочем, уже наступил.

Однако сновидения бывают и кошмарными. Поистине гротескными, сюрреалистичными, как образы бессознательного, представляются Жилину образчики радикальных общественных движений. Артики, пытающиеся заменить естественную жизнь искусственной даже в ее физиологии. Меценаты, остро чувствующие творческое бессилие эпохи, духовную импотенцию пресыщенного общества, а потому выражающие свою причастность к прекрасному в извращенной форме геростратовского наслаждения от уничтожения шедевров. Рыбари, нашедшие мрачное удовлетворение в том, что рискуют жизнью, в которой больше нет места подвигу.

Единственные кто пытается разбудить несчастных людей, попавших в добровольное рабство к вещам, — интели (разумеется, семантически и генетически родственные понятиям «интеллект» и, что еще важнее, «интеллигенция»). Они доступными средствами борются с во-

инствующим мещанством, пытаюсь напомнить, что человек может быть свободным. Но, повинувшись древнейшим правителям мира сего — голоду и любви, — люди не хотят просыпаться. В царстве «петых дураков» мы видим ненависть к живой мысли. Один из персонажей заявляет, что ученых надо было «не травить, а в землю вбивать, чтоб на развод не осталось» [2, 89].

Да и сами интели предлагают довольно болезненную форму протеста, опускаясь до терроризма, что само по себе свидетельствует о крайней степени запущенности болезни. «Дать этому городу хоть какую-нибудь цель, заставить его оторваться от корыта... Они вызывают огонь на себя, пытаюсь возбудить в городе хоть одну общую для всех эмоцию, пусть хотя бы ненависть» [2, 177].

Сложно «вернуть людям души, сожранные вещами» [2, 182], — подводит грустный итог герой повести. Пожалуй, это произведение у братьев — одно из самых реалистичных. В авторских комментариях Б. Н. Стругацкий отмечает: «Все, что написано в «Хищных вещах...» тридцать с лишним лет назад, сохраняет свою актуальность и сегодня. Мы стоим на пороге Мира Изобилия и должны быть готовы принять решение, как к этому миру относиться. Все мы вместе и каждый из нас в отдельности. Спасения от этого мира по-прежнему не видно, и — хуже того — непонятно даже, надо ли спасаться» [2, 605].

Что ж, в достоверности прогнозов писателей мы имеем возможность убедиться сами или доверить это не столь отдаленным потомкам. Не менее важным для нашего самосознания (и самолюбия) представляется другое. Имея руль и ветрила, мы все-таки повинuemся воле волн. Нам очень лестно воображать себя кормчими, но, как это ни грустно, в самом общем своем развитии история предрешена. Пресловутое право выбора принадлежит человеку, но не человечеству. Прыгнуть за борт может каждый. Немногим под силу повести корабль против течения. Но никому не повернуть реку вспять.

Список использованной литературы

1. *Бердяев Н. А.* Царство Духа и царство кесаря. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого. — М.: АСТ, 2006.
2. *Стругацкий А.Н., Стругацкий Б.Н.* Собр. соч. В 11 т. Т.4. — Донецк, 2004.
3. *Стругацкий А.Н., Стругацкий Б.Н.* Собр. соч. ... Т.11.